

КЛАСС И ГЕНДЕР В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА¹

Е.Р. Ярская-Смирнова

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, PhD, профессор кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы ФГБУ ВПО «Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.», научный руководитель Центра социальной политики и гендерных исследований СГТУ им. Гагарина Ю.А.

Контактный адрес: elena.iarskaia@socpolicy.ru

Автор статьи фокусирует внимание на процессах конструирования классовых и гендерных границ в риторике социального государства и практике социальной работы. Социальное государство понимается как система институтов, идеологий и практик, оформляющих повседневную деятельность и социальные границы между людьми. Автор показывает, что дискурсы социальной политики вносят вклад в создание стигмы «неблагополучных семей», при этом гендер и класс вплетены как в производство этой стигматизированной идентичности, так и в современную модель постсоциалистического социального государства, развивающегося в неолиберальной логике.

Ключевые слова: класс; гендер; неравенство; семья; управлениет; дискурс; социальное государство; социальная политика; социальная работа: стигма.

CLASS and GENDER in the DISCOURSE OF SOCIAL STATE

E.P. Yarskaya-Smirnova

Yarskaya-Smirnova Elena Rostislavovna – Doctor of Sociology, PhD, Prof of the Department of General Sociology of National Research University “High Economy School”, Prof. of the Department of Sociology, Social Anthropology and Social Work of FSBE of HPE “Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin” , Research Supervisor of Centre on Social Policy and Gender Research SSTU named after Yu.A. Gagarin.

Contact Address: elena.iarskaia@socpolicy.ru

The article by Elena Iaskaia-Smirnova is focused on the processes of constructing class and gender categories in welfare discourse and social work practice. Welfare state is understood as system of institutions, ideologies and practices that form everyday activity and social categories. The author shows that gender and class are closely intertwined in the production of stigmatized identity of ‘unfortunate family’, as well also constitute the key axes of the current Russian welfare model, which is strongly geared towards the neo-liberal rationality of emphasising individual responsibility and means testing.

Key words: class; gender; inequality; family; discourse; welfare state; social policy; social work; stigma.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Конструирование неравенства в риторике социальной политики», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 году, грант № 12-01-0230.

Неравенство в социальном государстве: класс и гендер

Проблематика социального неравенства находится в центре исследований социальной политики — как фундаментального, так и прикладного характера, начиная с классических работ Г. Виленски¹ и других авторов. Широко известна классификация современных режимов государств благосостояния, разработанная Г. Эспинг-Андерсеном в 1980-е годы, различающая либеральный, социал-демократический и консервативный типы социальных государств в зависимости от их идеологических основ, масштабов социальных гарантий, размеров социальных пособий и других критериев. Классификация режимов основана на выделении ключевого социального института (государства, рынка или семьи), несущего ответственность за обеспечение благосостояния населения, а также структуры и масштабов социальной помощи. Сравнительный анализ режимов благосостояния, проведенный Эспинг-Андерсеном, не только продемонстрировал различные эффекты социальной политики на социальную структуру неравенства, но эмпирически доказал, что государство благоденствия само является системой стратификации и может как способствовать, так и препятствовать классовой солидарности и мобилизации². В частности, социальное обеспечение в либеральных режимах ослабляет механизмы сопротивления, создавая новые формы неравенства по признакам гендера, расы и этничности, дохода и места проживания, различия в статусах у занятых в бюджетном и коммерческом секторах, а также по степени «зависимости» от социального обеспечения³.

Концепт «класс», понимаемый в терминах экономического неравенства и солидарности, в 1980–90-е годы оказался вытесненным на периферию социологической мысли как теоретическая идея и инструмент эмпирического исследования. В условиях реформ неолиберального политического курса

¹ Wilensky H.L. *The Welfare State and Equality: Structural and Ideological Roots of Public Expenditures*. Berkeley, CA: University of California Press, 1975.

² Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. London: Polity. 1990. P. 23; 16.

³ Wetherly P. *Class struggle and the welfare state: some theoretical problems considered* // *Critical Social Policy*. 1988. Vol. 22. № 8. P. 33.

с его ценностями индивидуализма и приватизации, усиливалась коммодификация социальных отношений. Самосознание и интересы рабочего класса фрагментировались, и ученые предпочитали говорить о множественных идентичностях, а не о классовом сознании. Фокус социальной политики смещался на наиболее уязвимые группы, и в центр академической дискуссии и политической повестки дня вышел концепт «андекласс». Вместо «класса» стало использоваться понятие социальной эксклюзии, относящееся к депривации меньшинств⁴.

В современной социальной теории классы интерпретируются уже не как «коллективы» или реально существующие группы людей (в традиции, идущей от Маркса), а вслед за П. Бурдьё как «режимы дифференциации», действующие в рамках процесса различения, при этом классобразование трактуется как конструирование социальных границ, которое непременно оказывается и гендерным процессом, т.к. гендер как организующее разделение присутствует во всех социальных взаимодействиях⁵.

Недавнее возрождение интереса к классу заметно в работах, выявляющих нюансы социальных идентичностей и смыслов социального опыта, противоречивые эффекты и латентные механизмы социальной политики и социальной работы⁶. Вместе с тем, появляются культурные объяснения неравенства, которые могут вносить вклад в символические процессы конструирования инаковости, усматривая причины социальной уязвимости бедных в порочной морали и дисфункциональном поведении людей⁷. В связи с этим важно отразить классовые и гендерные установки в тех системах ценностях, которые проявляют себя в риторике со-

⁴ Millar J. *Social Exclusion and Social Policy Research: Defining Exclusion* // Dominic Abrams, Julie Christian, David Gordon (eds) *Multidisciplinary Handbook of Social Exclusion Research*, Chichester: John Wiley & Sons: 2007. P. 1–15.

⁵ Гапова Е. *Итоги съезда: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма* // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Т. 7. № 4. С. 465–484.

⁶ Sayer A. *The Moral Significance of Class*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

⁷ Bottero W. *Stratification: Social Division and Inequality*. London, New York: Routledge, 2005.

циальной политики и практике социального обслуживания.

Исследование гендерного неравенства в связи с социальной политикой и социальной работой представляет важную область исследований. Исследователи указывали на ограничения концепции деконмодификации в гендерном аспекте¹. Дополняя классификацию Эспинг-Андерсена, Дайян Сейнсбери² подчеркивает важность гендерной и семейной идеологии как ключевого параметра в сравнительном анализе социальных государств. Ценностно-символическая и институциональная структура гендерной политики во многом обуславливает специфику гендерных отношений. Политическая логика консервативного режима направлена на то, чтобы смягчить негативные эффекты рынка, сохраняя при этом верность рыночным ценностям. В отличие от либерального режима, государство в этом случае осуществляет интервенцию в частную жизнь, стремясь защитить традиционный семейный уклад — преимущественно через выплаты главе семьи. Тем самым закрепляется режим мужчины-кормильца и традиционный тип семьи. Идеология либерального режима оправдывает минимальную ответственность государства, озабоченность вычислением уровня нуждаемости и большее значение социального страхования, по сравнению с социальным обеспечением. Сильная зависимость от пособий по нуждаемости проявляется в их высоком уровне бедности одиноких матерей. Рациональность социал-демократического режима обосновывает вмешательство государства в функционирование рынка и разработку политики социального равенства. Гендерная идеология этого режима предполагает большее равенство между женщинами и мужчинами и трансформацию традиционного разделения труда между полами.

Режим «мужчины-кормильца», в соответствии с подходом Сейнсбери, характеризуется гендерной идеологией мужской привилегии, в основе которой лежит строгое разделение труда между полами. Идеология режима «раздельных гендерных ролей» акцентирует

¹ Lewis J. Gender and the development of welfare regimes // Journal of European Social Policy, 1992. Vol. 2. P. 195–211

² Sainsbury D. Gendering welfare states. London: Sage Publications, 1994

значимость различий между полами, и социальные гарантии наделяются в зависимости от этих различий. Идеология режима «индивид как работник и домохозяйин» принципиально отличается от других двух в том, что предпочтительные отношения между женщинами и мужчинами — это совместные роли и обязанности, приводящие к равным гарантиям.

Курс социальных реформ меняется под влиянием политической повестки дня. Социальная цена перехода к капитализму не раз затрагивалась зарубежными исследователями российской и восточно-европейской социальной политики, обращавшими внимание на рост глубины бедности, неравенства и стресса в период реформ начала 1990-х годов, включая снижение продолжительности жизни, рост смертности, ухудшение доступности социальных услуг, включая образование, здравоохранение и социальную защиту, а также проблемы массовой безработицы³. Снижение государственных расходов на социальную сферу обеспечения было мотивировано задачами повышения конкурентоспособности в глобальной экономике⁴.

Создание в 2009 году Восточного партнерства, направленное на поддержку политических, экономических и социальных реформ по образцу Евросоюза в странах Южного Кавказа, Белоруссии, Молдове и Украине, автоматически не ведет к гомогенизации условий в этих странах. Белоруссия и Молдова в основном придерживаются категориальных схем социальной поддержки, Армения и Украина развивают одновременно универсалистские и адресные программы, а Грузия и Азербайджан выстраивают жесткие схемы оценки нуждаемости в рамках ультра-либеральной модернизации, сопровождающийся быстрым ростом неравенства. Страны Восточного партнерства, придерживающиеся сходной схемы в советское время, сегодня серьезно разошлись в структурах их социаль-

³ Standing G. Social protection in Central and Eastern Europe: A tale of slipping anchors and torn safety nets // Welfare states in transition: National adaptations in global economies, ed. by Gøsta Esping-Andersen, London: Sage, 1996. P. 225–255.

⁴ Deacon B. Eastern European welfare states: the impact of the politics of globalization // Journal of European Social Policy. 2000. Vol. 10. № 2. P. 146–161.

ной защиты, что может быть объяснено комплексом причин¹.

Высокая степень разнообразия политических и социально-экономических порядков, а также культурных укладов характеризовала эти страны еще при социализме. Отказ от принципов универсалистской и эгалитарной социальной политики в постсоветских странах в конце 1980-х — 1990-е годы актуализировал переход к принципам либерализма с его акцентом на борьбе с бедностью в устойчивых рыночных экономиках. В ситуации отсутствия частной благотворительности и дефицита ценностей сплоченности в повседневной культуре целью социальной поддержки стало повышение дохода наименее обеспеченных домохозяйств, у которых полностью отсутствовали ресурсы участия на рынке труда (инвалиды, матери-одиночки и другие так называемые «достойные бедные» в викторианском смысле). Озабоченность по поводу формирования культуры зависимости у трудоспособных бедных проявилась в оправдании перехода к адресной схеме социального обеспечения, которая, в свою очередь, могла стать сдерживающим фактором в условиях безработицы и многочисленных ловушек бедности. В ряде случаев были приняты децентрализация полномочий и передача их местным сообществам или местному самоуправлению, а также мониторинг программ, нацеленных на помощь трудоспособным бедным посредством переподготовки и содействия в поиске работы.

Но вероятность, с которой здесь могли воплотиться принципы социальной политики, основанные на экономическом либерализме, а также степень устойчивости реформирования зависели от ряда факторов²: во-первых, от того, на какой стадии развития капиталистической экономики находилось общество к моменту начала коммунистического правления, во-вторых, от той роли, которую играли предприятия и профсоюзы в соци-

альном обеспечении и мобильности рабочей силы, в-третьих, от локализации агентов реформ, происходящих либо сверху вниз, либо снизу вверх, в-четвертых, от длительности того периода, в течение которого население жило при советской власти, и следовательно устойчивости соответствующих эгалитарным или рыночным принципам установок людей, особенностей культуры и образа жизни (хотя и неоднородных по стране в целом).

И хотя очевиден общий тренд систем социальной защиты в странах постсоциализма к конвергенции в направлении резидуального режима, сегодня происходит все большая дифференциация стран данной группы³. В композиции институциональных условий развития новых социальных государств не последнюю роль играют степень концентрации власти, сила гражданского общества, свобода слова, уровень распространенности неформальных экономических практик, включая коррупцию, а также общественное мнение. Трансформации социальной политики в Центральной и Восточной Европе, связанные в первую очередь снижением государственной ответственности и легитимности, характеризуются сменной гендерных режимов этих стран⁴. Влияние этих изменений на жизненные ситуации женщин оказывается неоднозначным. С одной стороны, здесь сохраняется равенство в правах на труд и потребность в оплачиваемой занятости женщин, с другой стороны, растет противоречие между риторикой и применением прав в реальности. Аналогичные проблемы фиксируются в приватной сфере, где сохраняется равенство прав в браке, но существует домашнее насилие и неравное разделение домашних обязанностей. Советская система социализировала усилия материнства и обслуживающий труд, но в ряде стран семьи теперь несут намного более существенную нагрузку. Женщины как гражданки теперь обладают большей свободой в организации своего дела или негосударственного объединения, но их действия скорее концентрируются на со-

¹ См.: Шмидт В. Социальная политика стран (пост) транзита // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 3.

² Lal D. Social policy after socialism, paper prepared for Kiel Institute of World Economics, Annual Kiel week conference on «The Transformation of Socialist Economies», 26–28 June 1991, available at www.econ.ucla.edu/workingpapers/wp641.pdf.

³ Manning N. Diversity and Change in Pre-Accession Central and Eastern Europe Since 1989 // Journal of European Social Policy, 2004. Vol. 14. № 3. P. 211–232.

⁴ Pascall G. and Manning N. Gender and Social Policy: Comparing Welfare States in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union // Journal of European Social Policy, 2000. Vol. 10. № 3. P. 240–266.

владении и выживании, и в целом жизненная ситуация женщин характеризуется большей степенью феминизации, т.е. зависимости от семейных уз¹.

Гендер и класс в идеологии государств благосостояния

Многие исследователи отталкиваются от теоретического предположения о том, что концептуальные основания разных западно-европейских социальных государств укоренены в конкурирующих между собой идеологиях либерализма, консерватизма и социализма, однако, на практике эти типы рациональности воплощались более вариативно. Социалистическая идеология, например, сочетала в себе разнородные элементы консервативной и социал-демократической систем ценностей, и если в ранней советской истории в политической риторике апеллировали к ценностям самоуправления и равенства, со временем стрелка весов склонилась в сторону патернализма и тоталитаризма. Это заметно и в эволюции представлений о причинах социальных проблем и способов их решения, в смене ориентиров пропагандистских кампаний, переустройстве форм социальной поддержки, ярко проявляется в изменениях гендерной политики.

Можно говорить и о разных видах либерального режима, каждому из которых соответствуют свои идеологические комплексы, причем, более всего для современного либерализма характерен акцент на «экономизации» и разгосударствления социальной сферы, на ее подчинении материальной и рыночной логике². Сегодня имеет смысл говорить и об особых видах идеологии постсоциалистического неолиберализма.

Отметим, что государства благосостояния представляют собой сегодня welfare mix не только в смысле смешанных источников финансирования социальной политики³, но и в аспекте сложного конгломерата идеологий. Раз-

нообразные акторы участвуют в оформлении и переопределении доминирующих идеологий социального гражданства, репрезентируемых в СМИ и идеологиях, реорганизуют практики оказания и получения социальных услуг, самоорганизации и гражданского участия. Противоречивое понимание смысла благосостояния различными политическими партиями и течениями, требования, выдвигаемые общественными движениями, прямо или косвенно влияют на реформирование социальной политики. Неолиберализм уживается с неоконсервативными воззрениями: маркетизация и менеджериализация социального обеспечения переплетены с социально-криминализирующими технологиями управления⁴, а в постсоциалистических странах к ним добавляется националистический популизм, при котором фокус народного возмущения посредством идеологии направляется на этнических Других и политически неблагонадежных.

Эти настроения можно также охарактеризовать как неоконсервативную позицию⁵, которая выдвигает критические аргументы морального толка против таких связанных с глобализацией феноменов, как космополитизм и «открытое общество», отстаивая «традиционные ценности» крепкой семьи, трудолюбия, бережливости, законопослушания, индивидуальной инициативы, а также национализм, патриотизм и ведущая роль государства как защитника этих ценностей⁶. Риторика социального государства в России, например, включает в себя нео-традиционалистские акценты на пропаганде традиционной семьи и патриархального гендерного порядка.

Это проявляется, в частности, в том, что в России 2000-х обостряется гендерная повестка дня, и хотя равенство не отрицается, но его законодательное оформление и использование гендера как концепта в публичной сфере представляется неуместным. Неоконсервативные круги обозначают гендерное равенство «как угрозу и заявляют об этом

¹ Pascall and Manning. Op. cit.

² Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 78.

³ Кларк Дж. За рамками государственного и частного? Трансформация смешанной модели государства всеобщего благосостояния // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 2. С. 151–168.

⁴ Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 81.

⁵ См. напр: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, Мидгард, 2007.

⁶ Малахов В.С. Государство в условиях глобализации: учебное пособие. М.: КДУ, 2007. С. 20–21.

на политическом уровне»¹. Укрепление семьи видится им через ограничение других возможностей женщин. Речь идет и об изменениях в законодательстве об аборт, которое теперь является классовым, т.к. более обеспеченные слои страдают от нововведений в минимальной степени, а беднейшие слои – в максимальной. Между тем, как показывают исследования, эффекты современной социальной политики поддержки материнства очень слабы, не отражают реальных потребностей женщин, детей и семей².

В свою очередь, в комплексе идей социальной политики развиваются идеологии социальной работы, реализующиеся в ценностных установках и практике оказания услуг учреждениями и специалистами. Социальная политика и сегодня создает классовые различия и маркирует семьи как относящиеся к тому или иному классу³. Современные дискурсы о плохом и хорошем родительстве, например, в Великобритании, легитимируют и нормализуют родительские практики среднего класса, патологизируя те, что относятся к рабочему классу⁴. В России, как и в Великобритании, характерной чертой такого дискурса является то, что он конструирует родительство как источник социальных проблем.

Стигма неблагополучной семьи в дискурсе социального государства и практике социальной работе

Категория управленитета, разработанная на основе идей М. Фуко⁵, становится цен-

¹ Темкина А. Гендерный вопрос в современной России // Полит. ру. 16.06.2012 // <http://polit.ru/article/2012/06/16/gender/>.

² Там же; см. также: Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М.: Независимый институт социальной политики; ЮНИСЕФ, 2011 // unicef.ru/upload/Analys_Polozheniya_Detei_Online.pdf.

³ См. Klett-Davies M. (ed.) *Is Parenting a Class Issue?* London: Family and Parenting Institute, 2010; Iarskaia-Smirnova E. *Gender and Class in Russian Welfare Policy: Soviet Legacies and Contemporary Challenges*. Goteborg: University of Goteborg, Ineko, 2011.

⁴ Perrier M. *Developing the 'Right' kind of child: Younger and Older Mothers' classed moral projects* // Martina Klett-Davies (ed.) *Is Parenting a Class Issue?* London: Family and Parenting Institute, 2010. P. 18.

⁵ Foucault M. *Governmentality* // *The Essential Foucault: Selections from Essential Works of Foucault 1954–1984*, edited by P. Rabinow and N. Rose (eds). London: The New Press: 2003. P. 229–245.

ной теоретической перспективой в анализе социальной реальности, позволяя распознать отношения власти в дискурсах и институтах социальной политики⁶. В этом подходе внимание исследователей направлено на те способы, которыми государство, заботясь о благополучии населения через управление здравоохранением, образованием, семьей, берет под контроль народ, чтобы сделать его «более покорным и производительным». Акцент, в частности, становится на том, как в дискурсах социального государства конструируются категории нормальных и ненормальных индивидов и семей.

Дискурсы социальной политики нередко включают ценностные суждения, позитивные в отношении одних групп или действий и негативные в отношении других. История формирования социального государства в XIX – начале XX в. связана с развитием стратегий заботы о гражданах. С одной стороны, социальная забота профессионализировалась, и как полагал в Т.Х. Маршалл⁷, у специалистов крепло чувство ответственности за социальное благополучие. С другой стороны, это вело к тому, что государство посредством различных институтов, акторов и дискурсов, связанных с политикой и практикой, обучало граждан социальному управлению их собственной и чужой свободой. Возникали дискурсы о нормальных и ненормальных детях и родителях, о развитии нации, позволявшие распространять рациональность государственной политики социального обеспечения и практик спасения и вмешательства, создать способы конструирования и управления благополучием граждан. С развитием научных дискурсов появились институты и эксперты социальной политики и профессионалы, обученные методам объективного наблюдения за ребенком⁸ и вмешательства в частную

⁶ McKee K. *Post-Foucauldian governmentality: What does it offer critical social policy analysis?* // *Critical Social Policy*. 2009. Vol. 29. № 3. P. 465–86; McDonald C. and Marston G. *Workfare as Welfare: Governing Unemployment in the Advanced Liberal State* // *Critical Social Policy*. 2005. Vol. 25. № 3. P. 374–401.

⁷ Маршалл Т.Х. *Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой* // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 8. № 1. 2010. С. 105–124.

⁸ Bloch M., Holmlund K., Moqvist I., Popkewitz T.S. *Global and local patterns of governing the*

жизнь семьи с целью воспитания «правильных» граждан. В течение XX века социальное государство полностью оформилось на основе новых технологий воспитания детей, семьи и представлений населения о правильном и неправильном поведении, самоопределении, о нормальности и ненормальности.

Ч. Райт Миллс¹ проанализировал учебники по социальным дисциплинам и выявил, что среди социологов, социальных работников, педагогов и психологов распространена идеология «социальной патологии». Автор показывает, что используемые учеными и специалистами-практиками определения понятий (например, «социализация» или «адаптация») отнюдь не являются ценностно нейтральными, т.к. отражают протестантские идеалы среднего класса, господствующие в США, проникают в практическую деятельность и влияют на политику в отношении иммигрантов.

Дискурсивные разногласия отнюдь не ограничены лишь рамками научной или популярной литературы; они сопутствуют процессам обновления социальной политики и соответствующего законодательства, учреждения и расширения сети социальных служб, обсуждения методов социальной работы с семьей и детьми. Осуществляя льготные выплаты, производя и распределяя услуги, государственные механизмы благосостояния создают, воспроизводят и пересматривают модели социальной дифференциации, формируют коллективные идентичности, контролируют проблемное население и подавляют «неудобных» людей².

В идеологии профессионализма можно видеть как логику самоотверженного служения на переднем крае борьбы с проблемами, требующими колоссального напряжения духовных сил и серьезных знаний, — так

child, family, their care, and education: an introduction // Bloch M., Holmlund K., Moqvist I., Popkewitz T.S. Governing children, families and education. Restructuring the welfare state. New York: Macmillan, 2003. P. 17–18.

¹ Миллс Ч.Р. Профессиональная идеология социальных патологов // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен/Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2011. С. 35–63.

² Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 73.

и скрытую жажду сохранения привилегий любой ценой³. Специалисты, во всяком случае, в традиционных видах занятости могут быть тесно интегрированы в современное государство благосостояния и хорошо в нем представлены, получая от него определенную поддержку и ресурсы, что подкрепляется доверием и уважением со стороны общества в целом. Во многом профессии и государства преследуют сходные цели⁴. Врачи, педагоги, полицейские, социальные работники и другие специалисты помогают государству контролировать общество, а государство, в свою очередь, помогает им профессионализироваться и отстаивать их интересы, воспроизводить и легализовать их монополию в сфере определенных услуг, например, в образовании, здравоохранении, социальной защите.

Процесс «материализации нужды»⁵ и экономизации социальных услуг заметен в рыночных технологиях администрирования и в дискурсивных формациях социальных государств⁶ и соответствует неоменеджериалистской идеологии рационализации ресурсов и приемов управления⁷. Соответствующий ей адресный подход, с одной стороны, позволяет оптимизировать механизмы социальной поддержки, характерные для универсальной социальной политики, когда усилена роль государства, а льготы и монетарные трансферты не учитывают индивидуальных ресурсов и потребностей людей. С другой стороны, наделяя гражданина статусом клиента, неолиберальный режим социальной полити-

³ Evetts J. Sociological Analysis of Professionalism. Occupational Change in Modern World // International Sociology. Vol. 18. № 2. 2003. P. 395–415.

⁴ См. подробнее: Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Идеологии профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен/Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 64–81.

⁵ Haney L. Inventing the Needy: Gender and the Politics of Welfare in Hungary. University of California Press, 2002.

⁶ Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1.

⁷ Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики. Т. 3. № 4. 2005. С. 497–522.

ки представляет человеку возможности выбора услуг и участия в оценивании их качества, но параллельно создает установку на консумеризм.

Кроме того, этот подход чреват изъянами как инструмент усиления контроля профессионалов над жизнью бедных, формирующий стигму «клиента», уязвим произволом чиновников и, к тому же, требует больших административных расходов на оценку «нуждаемости» и мониторинг эффективности этих мер. С отказом от принципа универсальности социальной политики и переходом к программам местного значения адресаты помощи нередко проигрывают. При этом на «проигравших» возлагается вина за их затруднительное положение — такие аттитюды продуцируются интеллектуалами и властными элитами, распространяются среди госслужащих, работников социальных служб и других сервисов.

В этой ситуации бедность и другие структурные условия, включая недоступность качественного образования, жилья и здравоохранения, высокие риски безработицы, преступности и антисоциального поведения индивидуализируются и медиализируются¹, определяя проблемное социальное гражданство. Как показывает Л. Хани, в условиях распространения нелиберальных ценностей индивидуализма и приватизации в постсоциалистической Венгрии, с распространением дискурса о бедности все потребности клиентов оказались понятыми в терминах «нуждаемости», и социальные работники испытывали сильные эмоциональные потрясения, стремясь увеличить дистанцию от своих клиентов, сводя услуги к материальному вспомоществованию².

Распространенное понимание бедности, разделяемое некоторыми политиками и социальными работниками, стремится «обвинять жертву», возлагая на индивидов ответственность за те проблемы, которые имеют социальное происхождение, игнорируют

важные социальные условия и те испытания, с которыми сталкиваются люди в реальных жизненных ситуациях. Постепенно такой язык легитимируется в публикациях и проникает в официальный дискурс чиновников, подобно аналогичной инфильтрации других социолектов, в том числе профессиональных. Некоторые социальные работники и госслужащие стремятся индивидуализировать и медиализировать бедность, что отчасти перекликается с советской логикой в объяснении социальных проблем как буржуазных пережитков или индивидуальных недостатков.

Повседневные знания, мнения, распространённые в обществе, часто перекликаются с публичными дискурсами или воспроизводят их. В 1990-е — 2000-е годы в обиходе социальных работников, чиновников и среди населения звучит понятие «неблагополучная семья», которое не имеет четкого определения, но нередко подразумевает семейную структуру как один из критериев. Прагматика социальной защиты вызывает к жизни попытки истолкования или расшифровки заявляемых понятий. Например, «семейное неблагополучие» авторы проекта одной региональной концепции социального обслуживания объяснили следствием «утраты родственных связей и преемственности поколений», а в других публикациях к понятию «неблагополучные семьи» относят многодетные, неполные, находящиеся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, семьи с ребенком-инвалидом или хронически больным ребенком, малообеспеченные, проблемные, кризисные и так далее. Тем самым возникает широкое поле допущений и толкований, большая часть из которых переходит до уровня повседневных акторов — социальных работников, педагогов, психологов детских учреждений — в виде упрощенных, но не всегда четко проговариваемых формул³. Кроме того, поскольку семья воспринимается специалистами как объект педагогических, медицинских воздействий и контроля: «здоровые», «нормальные» и «обычные» противопоставляются «неблагополучным», то пуб-

¹ Gillies V. *Marginalised mothers: exploring working-class experiences of parenting*. London: Routledge. 2007. P. 44.

² Haney L. *Global discourses of need: mythologizing and pathologizing welfare in Hungary // Global Ethnography: Forces, Connections, and Imaginations in a Postmodern World*, edited by M. Burawoy et al. Berkeley: University of California Press, 2000. P. 48–73.

³ См. об этом: Ярская Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 2. С. 14–25.

ликации экспертов (психологов, социологов, медиков) порой категориально организованы как дискурс диагноза и контроля. Определение человека как клиента ведет к определению его свойств как подозрительных, и то, что в отношении к самому эксперту было бы нормальным, для клиента здесь — патология.

Так создается стигма неблагополучной семьи, и в эту категорию входят монородительские и многодетные семьи, которые по умолчанию считаются аморальными, несчастными и опасными для общества, с неадекватной ценностной системой и подозрительной сексуальностью. Возникает и концепт «неблагополучных детей», которые, как и их матери, ассоциируются не только с низким экономическим статусом — им приписывается еще и низкий интеллект. Не все люди находят в себе силы противостоять дискриминирующим установкам, которые порой транслируются и в публичном дискурсе (например, на плакатах социальной рекламы «Семья бесценна, когда полноценна — когда в ней трое и более детей»). Стигма действует таким образом, что человек принимает ее, свыкается с приписываемой ему категорией, и действительно может поместить себя в ячейку классификаций, тем самым сделав ее абсолютно реальной.

Стигматизация выполняет функцию социального контроля за нормативным порядком общества. Появление таких категорий людей или семей, как «неблагополучные» и «социально опасные», «группы риска» требует сформировать новые технологии управления и целые профессии (например, полицейские, врачи, педагоги и социальные работники), призванные создать сеть контроля над мужчинами и женщинами, попавшими в ловушку экономической нестабильности¹.

«Воистину сегодня возникает своего рода государство всеобщего благоденствия более высокой градации. <...> В эпоху либерализма бедняк считался лентяем, сегодня он автоматически становится подозрительной личностью»².

¹ Wacquant L.J. D. Punishing the poor: the neoliberal government of social insecurity. Durham, NC and London: Duke University Press, 2009.

² Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. «Медиум» «Ювента». М., С-Пб., 1997 С. 188.

Сами исследования социальной политики и социальной работы тоже не являются ценностно нейтральными. Они развиваются под влиянием определенных идеологий, которые направляют выбор методологии и содержание научного вывода. В конвенциональном анализе социальной политики основные исследовательские вопросы связаны с экономическим неравенством и проблемами перераспределения доходов в иерархии социально-экономических групп. Узкодисциплинарный анализ социальной политики нередко проводится в интересах политической элиты и страдает нормативностью и «технократическим оптимизмом», например, в описаниях механики перевода людей из статуса зависимых в статус трудящихся, из «дезадаптированных» в «адаптированные»³, но не поднимаются вопросы о том, как государства всеобщего благосостояния производят, воспроизводят или модифицируют неравенства, например, по полу, расовым или этническим различиям, инвалидности. Не все исследовательские перспективы могут оставаться на некоторой дистанции от общества, чтобы подвергнуть критике идеологию. Антропологические, этнографические исследования благосостояния⁴ реконструируют повседневный опыт реализации социальной политики, которая понимается как процесс нормализации благополучия индивидов, организаций и обществ. Исследователи подвергают критике «успешные» меры государственных реформ, опираясь на этнографические свидетельства, документируя социальное воспроизводство бедности, противопоставляя гегемонический дискурс о реструктуризации социальной политики жизненным реалиям обнищавших домохозяйств⁵.

Важным аспектом исследований социального исключения является акцент на индивидуальном выборе и действии акторов

³ См. напр.: Миллс Ч.Р. Профессиональная идеология социальных патологов // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен/Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2011. С. 35–63.

⁴ Edgar I., Russell A. (eds.) The Anthropology of Welfare. London, New Your: Routledge, 1998.

⁵ Morgen S. and Maskovsky J. The Anthropology of Welfare «Reform»: New Perspectives on US Urban Poverty in the Post-Welfare Era // Annual Review of Anthropology. Vol. 32, 2003. P. 315–338.

— женщин и мужчин, которые не остаются лишь жертвами обстоятельств, но прибегают к различным способам совладания, применяют качества устойчивости и сопротивления¹. Стратегии профессионалов, формулируемые в их собственных интересах, в стремлении монополизировать власть экспертизы, уже не устраивают граждан, чьи возможности выбора, влияния и контроля над профессионалами расширяются². Профессионалы вынуждены трансформировать свою идеологию, повышать открытость и гибкость, включая своих клиентов в процессы обмена информацией и принятия решений.

Модернизация социальной жизни при социализме была сопряжена с интернализацией новых форм дисциплины, стандартов повседневной жизни, ценностей,

¹ Buckley M. Victims and agents: gender in post-Soviet states // Mary Buckley (ed.) Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia. Cambridge University Press. 1997. P. 5.

² См. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. Doing class in social welfare discourses: 'unfortunate families' in Russia // Rethinking class in Russia/ed. by Suvi Salmenniemi. Farnham: Ashgate, 2012. P. 85–105.

которые влияли на публичную и частную сферы жизни людей, оформляя нормативные представления о гендерном порядке, о равенстве и неравенстве. Постсоветская социальная политика, с одной стороны, воспроизводит элементы советского наследия, а с другой стороны, привносит эффекты либеральных реформ. При этом малообеспеченные семьи оказываются в фокусе контроля социальных служб, а некоторые формы социальной поддержки противоречивым образом закрепляют их в уязвимом положении. Формирование и реформирование социального государства, планирование и реализация социальной политики не может осуществляться без опоры на идеологические конструкты, оформляющие представления населения о правильном и неправильном поведении, самоопределении, о нормальности и ненормальности. Поэтому научные тексты, публикации в СМИ, выступления политиков о социальной политике нередко включают ценностные суждения, позитивные в отношении одних групп или действий и негативные в отношении других. За формулированием и распространением таких дискурсов стоят группы специалистов, обладавших властью знания.